

Этнографическое изучение народов края в деятельности Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания в 20-е гг XX в.

Конец XX в. в связи со сложившейся общественно-политической ситуацией в России ознаменовался бурным возрастанием интереса к национальным проблемам, поискам своих корней и определением культурной самобытности в рамках каждого этнического образования. Именно поэтому одной из задач этнографической науки представляется обобщение накопленного опыта по изучению этнической специфики сложившихся историко-культурных областей России.

Самарский край, будучи органичной составной частью Поволжско-Приуральского региона, являл собой пример многонационального объединения. Здесь, начиная с XVI в. происходили сложнейшие этнические процессы, характеризовавшиеся образованием пестрого состава населения, где численно преобладающими были славянские, финно-угорские и тюркоязычные народы.

Необходимость этнографической работы в начале XX в. была обусловлена целым рядом обстоятельств:

1. Этнический состав населения Самарской губернии в конце XIX в. представлял очень пеструю картину: большинство (70%) составляли русские и украинцы, более 10% - татары и башкиры, 8,7% - немцы, 7,6% - мордвы, 3% - чувашаи (1).

2. Национальная политика в первые годы советской власти предусматривала свободное развитие всех этнических образований. В проведении государственной национальной политики в Самарском крае в 1920-е гг. наметился круг проблем: разрешение ситуации тяжелейшего голода 1921 г., пропаганда советского строя, культура и образование многонационального населения. В сложных условиях 1921 г. при Самарском Губкоме РКПб существовали 12 национальных секций - белорусская, венгерская, еврейская, китайская, латышская, мордовская, немецкая, польская, татарско-башкирская (бюро), турецкая, украинская, чувашская, эстонская. В этом же году национальным секциям было представлено общее помещение - Дом нацмена (здание Русско-Азиатского банка на пересечении улиц Петроградской и Саратовской), где под одной крышей объединялись все народы края.

В 1922 г. в Самаре была организована научно-практическая

конференция "Национальный вопрос и практическое проведение его в жизнь".

3. Одновременно с национальными секциями при Губкоме ВКП(б) существовал подотдел национальных меньшинств при Губернском отделе народного образования (ГубОНО).

Культурно-просветительная работа требовала подготовки кадров для национальных школ и партийных организаций на местах. С этой целью в 1923 г. в Самарском государственном университете была открыта кафедра сравнительного финно-угорского языкознания и этнографии, которую возглавил профессор бывшего Казанского Археологического института, преобразованного в Восточную Академию, Емельянов. Однако "Наркомпрос" "признал излишним для Самарского университета чтение краевых наук по финно-тюркологии" (2).

Объективно оценивая роль научных знаний в практике национальных отношений и место ученых в решении национальных проблем, преподаватели Самарского государственного университета в ноябре 1919 г. организовали Общество истории, археологии и этнографии, в рамках которого объединялись 4 комиссии: археологическая, историческая, этнографо-статическая, библиографическая. Общество имело несколько отделений по уездам - в Пугачеве, Бузулуке, Бугуруслане, Ставрополе, Абдулино. Одним из положений Устава СОАИЭ было "изучение духовной и материальной культуры прошлого и настоящего народов, населяющих Самарский край и прилегающие к нему области, содействие в распространение знаний" (3).

Документы архива Общества (ГАСО, ф. 558) свидетельствуют о широкой этнографической работе, проводимой учеными разного профиля - среди них были историки, филологи, социологи. С момента образования Общества под председательством профессора социолого-исторического факультета Башкирова Алексея Степановича, в этнографической секции активно сотрудничали: Архангельский С.А., Архангельский Н.А., Баранников А.П., Богданов Д.Ф., Красноперов И., Лучинский Т.А, Перетц В.Н., Перетяткович В.Н., Поздьяев И.С., Преображенский П.А., Хованский С.А., Яковлев О.Т. и др.

Перед этнографической комиссией ставились конкретные задачи: составление диалектической и этнографической карт губернии по материалам последней переписи, карт движения "иностранческого" населения по материалам бывшей казенной палаты; организация этнографических и диалектологических экспедиций силами членов Общества. К 1922 г. была подготовлена группа исследователей края, однако и в 1924 г. отмечалось, что этнографическая секция работала слабее других по

причине недостатка специалистов.

Не имея специального этнографического образования, эти ученые внесли огромный вклад в становление историко-этнографического краеведения и развития науки в целом. Сегодня их работы - и опубликованные, и рукописные - являются ценнейшим этнографическим источником по реконструкции культурного облика этнических групп Самарского края на уровне конца XIX - нач. XX вв.

В этнографической деятельности Общества можно выделить несколько направлений:

1. Обобщение накопленного опыта в сборе материала по национальным вопросам в регионе. К началу XX в. в Самарской губернии в распоряжении ученых оказались изданные материалы Самарской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) - Труды и Памятные книжки; Адреса-Календари Самарской губернии; Самарские Епархиальные Ведомости; отдельные статьи в "Самарских губернских ведомостях", содержащие ценные сведения по религиозной и культурно-этнографической специфике региона. Пропагандой этих материалов (через копирование, доклады, сообщения) занимались члены Общества.

В архивном фонде Общества удалось обнаружить разосланную в 1890 г. анкету Императорского Общества любителей истории, археологии и этнографии при МГУ (за подписью ординарного профессора МГУ Всеволода Миллера) о крестьянской одежде населения России. Известно, что ответы на анкету хранятся в архиве Русского Географического Общества (РГО) в Санкт-Петербурге, однако "Сведения об одежде крестьян Новоузенского уезда Самарской губернии" оказались в фонде Самарского Общества ГАСО (дд. 301-303). Представленные учителями земских школ уникальные описания народного костюма населявших в XIX в. южные районы Самарского края русских, мордовских, немецких, украинских жителей доступны современному исследователю. Это - ценнейший этнографический источник по реконструкции традиций в национальной одежде на уровне конца XIX в. Примечательно, что описания содержат информацию по генезису костюма - от традиционных форм до бытовавших в период их описания. Содержащиеся в источнике сведения фиксируют переход от крестьянской одежды к городской, что проявлялось и в материале - самодельная ткань считалась признаком бедности, и в конструкции; в женской одежде происходил окончательный переход к общераспространенному варианту - "юбка с кофтой". Поражает скрупулезное отношение авторов к теме изучения - в местной терминологии, относящийся к одежде, выявляются и взаимодействия этносов,

живших в этноконтактной зоне Поволжья, выходящей в Азию.

В фонде Общества обнаружена и программа изучения нац-меншинств, выполняя которую, самарские краеведы собрали ценный материал в виде этнографической информации с мест, представленной членами уездных подотделов этнографической секции, земскими учителями и просто "любителями старины".

2. В научной работе Общества в области этнографии было выделено несколько приоритетных проблем; этническая история народов региона, этническая спецификация населения, проявляющаяся в материальной и духовной культуре.

Весомым вкладом в самарское историческое краеведение стали опубликованные работы П.А. Преображенского "Колонизация Самарского края", "Очерки истории Самарского края" и "Из истории башкирского землевладения" (4).

Подробные этнографические очерки представляют собой рукописные материалы, посвященные отдельным этническим группам края. Так, "Свадебные народные обычаи села Большая Ивановка Пугачевского уезда" (5) и "Свадебный обряд в Студенцах Самарского уезда" (6), записанные жителями указанных селений, фиксируют бытование русского обряда на уровне начала 1920-х гг., когда этнические традиции отличали народы края; более того, обрядовая специфика проявлялась и в областных вариантах. Указанные описания могут служить прекрасным источником для современного изучения темы.

Мало разработанной в российской науке остается этнография детства. Тем выше ценность редко встречаемых материалов, каковыми можно считать хранящиеся в архиве Общества тексты "Игр и развлечений взрослых и детей в с. Кривая Лука Самарской губернии" О.Т. Яковлева 1920 г. (7), в числе которых подробно описаны "Бабки (козны)", "Каретка", "Плоцки", "Гусек", "Кон за кон", "Салки".

Музыкальной народной культуре уделил внимание Ф.Т. Яковлев, исследуя "Народные музыкальные инструменты, употребляемые в Самарской губернии" (8).

Наиболее подробным являются описания мордовских молянов (озксов), осуществленные И.С. Поздеевым в отдельных селениях Бугурусланского уезда - Ново-Домосемейкино, Ново-Борискино, Секретарка в 1920-х гг. (9). Исследователь, не будучи по специальности этнографом, оставил в наследство профессионалам уникальные материалы по языческой обрядовой культуре мордовского этноса края, где отражается аграрная специфика жизни мордвы и в этой связи - магия плодородия, выходящая своими корнями в общечеловеческую практику. Среди многочисленных обрядов более подробно описаны "Юрт-

ава-озкс" (моление богине дома), "Озимь-озкс" (моление выезда на осенний сев), "Айгор-озкс" (моление жеребца), "Межа озкс" (моление на меже), "Кардо сярко-озкс" (моление богу двора) и т.д.

"Материалы по обследованию чувашей" селений Каменка и Саперкина Микушинского района Бугурусланского округа 1930 г. (10), составленные местными учителями, представляют национальную специфику этноса в сравнении с рядом живущими русскими и татарскими этническими группами.

Научным подходом к предмету изучения отличаются работы И.Красноперова "Самарские чувашаи" и "Самарская Башкирия" (11); последняя остается до сего дня единственным и уникальным исследованием по этнографии башкир, населявших в конце XIX в. Юмуран-Табынскую волость Бузулукского уезда Самарской губернии. Хозяйственно-экономический уклад жизни самарских башкир охарактеризован автором как переходный от кочевого скотоводства к оседлому земледельчеству.

Иргизские старообрядческие монастыри - история их возникновения и превращения в единоверческие - стали предметом исследования Н.А. Архангельского "К истории единоверия в Пугачевском уезде Самарской губернии" ("Иргизские скиты" (Самара, 1928). В фонде Общества содержатся материалы по обследованию указанных монастырей (12).

Ценность перечисленных источников состоит в фиксации уникальных национально-культурных явлений, в основной массе исчезнувших к настоящему времени. Материал, собранный в ходе полевых этнографических исследований, составил богатейший "банк данных" для современной науки. Авторы этнографических очерков в хороших традициях эволюционистской школы на примерах материальной и духовной культуры выявляли этнодифференцирующие свойства народов края, пытались сравнивать объект своего изучения с иноэтническим окружением.

Однако, самобытность этноса зачастую оценивалась экзотическими явлениями, что отличает творчество ряда исследователей. В качестве примера можно привести представленный И.С. Поздьяевым рассказ старожилы о мордовской моляне деревни Ново-Домосемейкино Бугурусланского уезда "Бабань каша озкс" (моление старушечьей каши) (13), организуемой в прошлом на неделе после Троицы. По информации, полученной Поздьяевым И.С., "на площадку для общественных молений привозили старуху, завернутую с головой в покрывало, сажали в центре площадки, ножом проводили вокруг ее шеи, после увозили и 2-3 дня ее не показывали. На площадке резали и варили курицу".

В конце записей И.С. Поздьяев делает вывод о функции обря-

да жертвоприношения как "имитации человеческой жертвы". Естественно, что с позиций сегодняшней разработки в науке вопросов, связанных с календарно-обрядовыми традициями всех народов России, подобное умозаключение представляется наивным и ненаучным. Этнограф Д.К. Зеленин в 1927 г. в Германии опубликовал свой труд "Восточно-славянская этнография" на немецком языке (на русский язык он переведен и издан в 1991 г.), там специалист в этнографии анализирует подобные обряды Семицко-троицкого периода у славян как "игру в покойника" на Духов день (гонедельник после Троицына дня), где звучит идея смерти весны. Ученый проводит параллели в славянских традициях с финно-угорскими, как результат взаимодействия этносов на ранней стадии этногенеза. Современные исследования на Самарской Луке свидетельствуют о сохранении обрядовых традиций "хоронить весну" в послетроицкий период в русско-мордовской среде региона.

Подойти к каким-либо научным обобщениям этнографического характера ученым Самарского Общества археологии, истории, этнографии и естествознания не удалось по причине отсутствия специалистов-этнографов; такая задача, как правило, и не ставилась перед исследователями. Это был этап накопления знаний в этнографическом краеведении. Сбор, систематизация и сохранение для будущих исследователей уникального материала - в этом величайшая заслуга самарских краеведов.

Примечания.

1. Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.8. вып.1. Самара, 1982. С.14.
2. ГАСО. Ф1. Оп.1. Д.1214. Л. 36.
3. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 16. Л. 2.
4. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 235.
5. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 70. Лл. 1-11.
6. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 200.
7. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 43.
8. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 245.
9. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 70. Лл. 12-39.
10. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 222.
11. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 262, 234.
12. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 44.
13. ГАСО. Ф 558. Оп.1. Д. 70. Лл. 11-13.